

DOI: 10.15393/j10.art.2020.5001

УДК 821.161.1+811.124

А. А. Скоропадская

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

san19770@mail.ru

«*Strepitu belli propelluntur artes*»: латинский афоризм Достоевского*

Аннотация. В статье исследуется дважды встречающийся в записных тетрадах Достоевского латинский афоризм *Strepitu belli propelluntur artes*. Уточнены написание и перевод афоризма, его грамматико-стилистическое построение, а также возможные источники латинской цитаты. Исследуемое выражение контекстно не связано с русским текстом и функционирует как самостоятельное высказывание. Выявлена семантическая связь афоризма с содержанием страниц, на которых он находится. Латинское выражение маркирует тему войны. Заложённое в афоризме противопоставление войны и искусства, традиционно понимаемое как невозможность их сосуществования, осмысливается писателем в виде парадокса: устами героя-парадоксалиста Достоевский развивает мысль о том, что только во время войны истинное искусство пробуждает души, мобилизует духовные потребности общества. Далее уже от своего лица писатель высказывается о природе истинного искусства, которое в мирное время волнует людей высокими идеалами, но социальная реальность такова, что для духовно нездорового общества война — единственный способ пробудиться и очиститься, но не просто война, а война из-за великодушной идеи. Латинская цитата является ключевым звеном в рассуждениях писателя, становится инструментом его аргументации.

Ключевые слова: Достоевский, античная традиция, латинский язык, афоризм, цитата, парадокс, парадоксалист

Об авторе: Скоропадская Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 01.07.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Скоропадская А. А. «*Strepitu belli propelluntur artes*»: латинский афоризм Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 4. — С. 208–221. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5001

Лингвистические познания Ф. М. Достоевского включали в себя не только современные европейские языки (французский, немецкий, английский, итальянский), но и древние — латинский и древнегреческий. Практически все цитаты, приводимые писателем на латыни и обнаруженные нами в его рукописных и печатных текстах, являются устойчивыми выражениями. Обращение к греко-латинской афористике вполне вписывается в риторическую традицию, на которую долгое время ориентировалась русская словесность: сочетание краткой формы с емким содержанием сделало афоризм востребованным художественно-стилистическим средством. Латинские изречения используются Достоевским в художественных

и публицистических текстах¹, но наиболее показательное обращение к крылатой латыни в рабочих записях, где фоновые лингвокультурные знания проявляются спонтанно². По наблюдению И. В. Ружицкого, «в записных книжках Достоевского, набросках, планах произведений нет адресата, соответственно, нет и не может <быть> никакого воздействия на читателя, а есть только фиксация в сжатом виде результатов каких-либо авторских размышлений» [Ружицкий: 215].

Научные издания записных книжек и тетрадей Достоевского, как правило, дают перевод латинских цитат (не всегда, впрочем, верный), оставляя за рамками их текстологический анализ и комментарий. Между тем латинские слова и выражения отнюдь не редко встречаются в рабочих записях. Самые частотные из них функционируют в качестве текстовых помет: это излюбленная Достоевским анаграмма *NB (Nota bene!)*, в изобилии встречающаяся во всех его записях, а также помета *Memento / Pro memoria*, которой писатель обозначал предстоящие дела или вопросы, требующие дополнительного обдумывания. В целом же, латинские цитаты в качестве устойчивых выражений органично вписываются в текст Достоевского: *Tabula rasa*, *Status in statu*, *Sine qua non*, *Modus in rebus*, *Ergo*, *Eheu*³ и т. д.

Среди латинских цитат, представляющих собой набор частотных афоризмов, своего рода языковых клише, включенных в гимназический минимум, выделяется одна, требующая отдельного комментария.

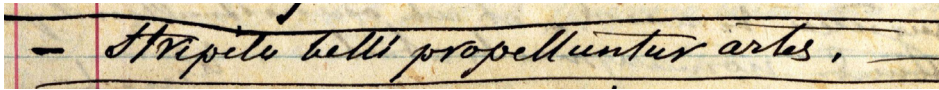
В записной книжке Достоевского 1860–1862 гг. (хранится в ОР РГБ. Ф. 93.I.2.6) в верхней части страницы 46 сделана запись карандашом:

Илл. 1. Фрагмент из записной книжки Достоевского 1860–1862 гг. с фразой на латинском языке (ОР РГБ. Ф. 93.I.2.6. С. 46)

Fig. 1. Fragment of Dostoevsky's 1860–1862 notebook with a phrase in Latin (Russian State Library. F. 93.I.2.6. P. 46)

В публикациях эта запись расшифровывается: *Strepitu belli propelluntur artis*⁴. Предлагаемый перевод: «Грохот войны разгоняет искусства». Между тем в записной тетради 1876–1878 гг. (хранится в РГАЛИ. Ф. 212.1.16) на странице 154 эта же латинская фраза написана чернилами, имеющими, по сравнению с карандашом, большую четкость, что позволяет уточнить прочтение:

Илл. 2. Фрагмент из записной тетради Ф. М. Достоевского 1876–1878 гг. с фразой на латинском языке (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 154)

Fig. 2. Fragment of Dostoevsky's 1876–1878 notebook with a phrase in Latin (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.16. P. 154)

Однако при публикации расшифровка и перевод остались теми же (см.: [Неизданный Достоевский: 600]; (Д30; 24: 296)), то есть неправильными: допущено три ошибки в написании латинской фразы, состоящей из четырех слов, в то время как самим Достоевским фраза была написана грамматически верно: *Strepitu belli propelluntur artes*. Не совсем точен (хотя и не содержит таких явных ошибок, как латинское написание) и предлагаемый перевод, который передает общий смысл, но не грамматическую структуру предложения (см.: [Тарасова, Заваркина, Панюкова: 25]).

Открытым остается вопрос о происхождении латинской фразы. Корпус античных и средневековых текстов такого выражения не содержит. По замечанию М. В. Заваркиной, «известны близкие по смыслу устойчивые сочетания. Например, латинская поговорка: “Когда говорят пушки, музы молчат” (“*Inter arma silent Musae*”) — или ставшая крылатым выражением фраза Марка Туллия Цицерона (52 г. до н. э.) из речи в защиту Милона: “Когда гремит оружие, законы молчат” (“*Inter arma silent leges*”)» [Тарасова, Заваркина, Панюкова: 61]. Приводимые примеры привлекаются исходя из их смысла и русского перевода, в который, по сравнению с латинским оригиналом, добавлены слова, усиливающие контрастность противопоставления молчащих *Муз / законов* и *шума войны*: латинское *inter arma* (среди оружия / боя) не содержит лексического указания на звуковое сопровождение военных действий. Латинская фраза, используемая Достоевским, имеет все признаки афоризма, но при этом крылатой не является: *Шумом войны разгоняются искусства*.

В корпусе античных латинских текстов имеется лишь один близкий по лексическому составу вариант, который, вероятно, мог послужить основой для создания фразы *Strepitu belli propelluntur artes* — это строка из второй книги «Посланий» Горация, описывающая обстановку в римском театре:

«*Tanto cum strepitu ludi spectantur et artes*» (Ep. II, 1, 203)
(«С таким шумом смотрятся игры и искусства»).

Благодаря логически выверенному и живому образному стилю⁵ поэзия Горация явилась источником многих афоризмов, ставших крылатыми и потерявших авторство. Так, по данным сайта Horatius.ru, насчитывается

более 160 подобных горацианских высказываний⁶. Зачастую одно произведение становится источником нескольких крылатых фраз⁷.

Послание II, 1 имеет достаточно большой объем (270 строк), но не отличается афористичностью, тем не менее оно могло использоваться в обучении риторике и / или латинской грамматике.

Несмотря на то, что форма *strepitu* у Горация зависит от предлога *cum*, извлечение *strepitu ludi spectantur et artes* из контекста стихотворной строки грамматически возможно: беспредложный *ablativus* начинает играть роль *ablativus modi* (творительный падеж образа действия, отвечающий на вопрос «как?», «каким образом?») и получившаяся фраза приобретает значение: «В шуме (с шумом) смотрятся игры и искусства».

Примечательны ритмический (одинаковое количество слогов и практически совпадающие ударения), лексический (совпадение первого и последнего слова) и грамматический (некоторая «игра» омонимичными грамматическими формами) параллелизмы фразеологических новообразований, которые можно отобразить в следующей схеме:

<i>Abl. instrumenti</i> — чем? «шумом»	strepitu		<i>Abl. modi</i> — как? «с шумом»
<i>Gen. subjectivus</i> — чего? «войны»	belli	ludi	<i>Nom. pl.</i> — что? «игры»
	propelluntur	spectantur (et)	
<i>Nom. pl.</i>	artes		<i>Nom. pl.</i>

Грамматико-синтаксическое сопоставление двух фраз подтверждает, на наш взгляд, один из вероятных путей возникновения выражения *Strepitu belli propelluntur artes*: не являясь оригинальным латинским текстом, оно могло использоваться как материал для ученического упражнения по созданию афоризма с соблюдением языковых, стилистических и художественных норм латинского языка.

Эта версия тем не менее не отвечает на вопросы: откуда это выражение знакомо Достоевскому? Почему именно к нему он обращается в своих рабочих записях?

Выскажем некоторые предположения.

Достоевский хорошо знал латинский язык. Настолько хорошо, что, например, в оригинале читал Цезаря⁸. Вполне вероятно, что фраза *Strepitu belli propelluntur artes* принадлежит самому Достоевскому. Но это единственный пример авторского перевода. Если у писателя была потребность излагать

мысли по-латыни, почему он ограничился только одной фразой? Видимо, потому что она была воспринята Федором Михайловичем настолько давно, что прочно вошла в его лексикон на правах крылатого выражения. И именно поэтому временная разница между двумя записями составляет более пятнадцати лет, а сама латинская фраза контекстуально кажется не связанной с предшествующим и последующим русским текстом. Скорее всего, Достоевский запомнил эту фразу в процессе обучения латинскому языку.

Латынь была неременным элементом образования в России XVIII–XIX вв. В качестве первого учителя латинского языка для Федора и его старшего брата Михаила выступил их отец — Михаил Андреевич Достоевский. Занятия велись по учебнику Н. Н. Бантыш-Каменского⁹, наличие которого зафиксировано в описании библиотеки Достоевского [Библиотека Достоевского...: 253]. Однако интересующее нас выражение в данном учебнике отсутствует. Уровень владения латинским языком у Михаила Андреевича был очень высок — он окончил Подольскую семинарию по классу риторики, учебная программа которого предполагала глубокое погружение в латинскую словесность¹⁰. Методы обучения в семинарии включали в себя не только грамматические упражнения и переводы с латинского на русский и наоборот, но и разговорную латынь, освоение которой начиналось с заучивания достаточно большого объема афоризмов. Оттачивание навыков устной латыни проходило как в повседневном общении (ученики в стенах семинарии должны были общаться на латинском языке), так и на занятиях, например, по риторике или пиитике¹¹. Михаил Андреевич мог использовать фразу *Strepitu belli propelluntur artes* на занятиях с детьми.

В 1834 г. обучение братьев продолжилось в пансионе Л. И. Чермака, все предметы в котором строго соответствовали университетской программе. Латинский язык наряду с русской словесностью и Законом Божьим занимал в учебных планах одно из центральных мест (см.: [Федоров: 245]). Сохранившиеся архивные данные содержат указания имен преподавателей латыни этого периода (К. Месс и Я. П. Визард [Федоров: 250]), но кто конкретно из них работал с классом Федора Достоевского, по каким учебникам и по какой методике, неизвестно¹². Так или иначе именно в это время начинает определяться «экзистенциальный вектор судьбы Достоевского с его ярко выраженной лого- и литературоцентричностью сознания» [Кошечко: 200].

Большинство учебных изданий того времени по латинскому языку содержало элементы разговорной латыни. Это могли быть как отдельные разговорники¹³, так и специальные части внутри грамматик и учебников¹⁴. Особое внимание уделялось фразеологии¹⁵. Издавались и отдельные лексиконы¹⁶. Кроме того, полностью или частично на латинском языке писались учебники и руководства по риторике и пиитике¹⁷. Выражение *Strepitu belli propelluntur artes* во всех этих изданиях отсутствует. Наиболее вероятный источник цитаты — пособие Н. Белюстина¹⁸ «Практическое руководство

к переводам с Российского языка на латинский... составленное по Бредеру и др.», которое было распространено в российских учебных заведениях и претерпело несколько переизданий, начиная с 1817 г.¹⁹ На странице 56 издания 1830 г. в упражнении 9 первая фраза для перевода — «Шумом войны прогоняются искусства». Предлагаемый к упражнению лексический минимум содержит слова *strepitus* (шум), *ars* (искусство) и *propelluntur* (разгоняются).

Пособие Н. Белюстина использует перевод как методический прием: теоретическая часть каждого урока содержит изложение того или иного грамматического или синтаксического правила, а в практической части теоретический материал отрабатывается при помощи перевода с русского на латинский язык. Предложения, включенные в практическую часть, часто имеют афористичный характер, что, с одной стороны, способствует их запоминанию, а с другой — вырабатывает навык использования латинских грамматических форм и синтаксических конструкций в речи. Подобный подход, несомненно, влиял на формирование риторической культуры, сочетающей правильность грамматики с умением точно и ясно выражать мысль.

В идиостиле Достоевского афористика становится способом «акцентировки определенных, значимых в идеологическом отношении мыслей» [Шаталова: 140]. Особенностью афоризма является то, что он может «функционировать как отдельное универсальное высказывание» и «как интертекстуальное включение в другой текст» [Наличникова: 8].

Оба случая использования Достоевским фразы *Strepitu belli...* демонстрируют ее внешнюю изолированность, кажущуюся несвязанность с окружающим текстом (в записной тетради 1876–1878 гг. эта изолированность выражена графически в виде отчеркивания сверху и снизу). Так, в случае с записной книжкой 1860–1862 гг. *Strepitu belli...* находится в самом верху страницы. Далее следует текст:

«Литература въ упадкѣ, напрасно Г. Антоновичъ говоритъ о Гете. Мы готовы биться объ закладъ что онъ не развернетъ Гете всю жизнь свою, а можетъ быть и не развертывалъ. Мы даже увѣрены что Г. Антоновичъ и во времена процвѣтанія литературы не развернулъ бы Гете: вѣдь надобно же и врагамъ отдавать справедливость» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.6. С. 46).

Литературно-критические наброски имеют явно полемический характер. Ассоциативно латинская фраза перекликается с этими размышлениями писателя (*литература — ars, в упадке — propelluntur, врагам — bellum*).

В записной тетради 1876–1878 гг. можно восстановить более прочную семантическую связь латинской фразы с предшествующим текстом. *Strepitu belli...* располагается внизу страничного разворота (стр. 153–154). Необходимо отметить, что на данном развороте *Strepitu belli...* — не единственное

латинское вкрапление. В верхней части стр. 154 находим: «Разрушилось нечто прежде *modus in rebus* (выделено мной. — А. С.). Теперь надо создать другое». И далее, в центре стр. 154: «— Нынче (при гуманностяхъ) имѣютъ право жить люди подлые, т. е. остаются въ живыхъ болѣзненные средней силы. (*mens sana*)²⁰ (выделено мной. — А. С.)» (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 154).

Основное содержание записей, находящихся на страницах 153–154, — анализ текущей политической обстановки в Европе в связи с «восточным» вопросом. В этом контексте появляются размышления о войне:

«Всякій выходъ хорошъ, Война хороша. Сами придутъ уважая себя и другихъ заставятъ себя уважать. А потому война не за ханугу, а за благодѣяніе — наиболѣе кстати, ибо тутъ есть за что уважать» (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 154).

Тема войны — одна из сквозных в записных тетрадах Достоевского в период 1875–1878 гг.: довольно часто помета «Война» встречается на полях, раздел «Война» постоянно включается в тематические планы, повторяются вариации размышлений о нравственной стороне войны.

О трудности темы можно судить и по повторяющимся мыслям, и по авторским комментариям («О Войнѣ, нѣтъ эта война мнѣ недается» — РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 134). Так, настойчиво разрабатывается мысль о том, что война — это благо²¹. Художественно она развилась в главе «Парадоксалист» («Дневник Писателя», апрель 1876 г.), где герой Достоевского высказывает неординарную мысль о том, что война — «самая полезная вещь». Доводом к этому тезису становится описание социальной несправедливости и порождаемого ею нравственного упадка в мирное время: «...социальный перевес во время долгого мира всегда под конец переходит к грубому богатству» (Д30; 22: 124). Вопрос оппонента, могут ли развиваться во время войны науки и искусства, получает следующее объяснение: «Война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок. <...> Если б не было на свете войны, искусство бы заглохло окончательно. Все лучшие идеи искусства даны войной, борьбой» (Д30; 22: 124).

Отметим явные смысловые переключки с латинским афоризмом, переключки по методу «от противного»: латинский источник утверждает, что шумом войны искусства разгоняются, а Парадоксалист, что без войны искусство *глохнет*.

Возникающая антиномия является примером одной из основных категорий поэтики Достоевского — парадокса [Захаров: 186]. Отталкиваясь от некоего устоявшегося знания, парадокс через отрицание утверждает новую мысль: «Противоречие, содержащееся в парадоксе, актуализирует старое знание, “остраняет” новую идею и вовлекает читателя в орбиту сознания героя. Герой-парадоксалист — новая стадия воплощения идеи, внутренне антиномичной» [Живолупова: 185].

Этиологически парадокс связан с афористикой, поэтому правомерно в качестве одной из логических опор развиваемого парадокса предположить выражение *Strepitu belli...*

В «Дневнике Писателя» развивается и выкристаллизовывается мысль о связи войны и искусства. Достоевский высказывает ее уже от своего лица в главе «Спасет ли мир пролитая кровь?» («Дневник Писателя», апрель 1877 г.):

«Лишь искусство поддерживает еще в обществе высшую жизнь и будит души, засыпающие в периоды долгого мира. Вот отчего и выдумали, что искусство может процветать лишь во время долгого мира, а между тем тут огромная неверность: искусство, то есть *истинное* искусство, именно и развивается потому во время долгого мира, что идет в разрез с грузным и порочным усыплением душ, и, напротив, созданиями своими, всегда в эти периоды, взывает к идеалу, рождает протест и негодование, волнует общество и нередко заставляет страдать людей, жаждущих проснуться и выйти из зловонной ямы. В результате же оказывается, что буржуазный долгий мир, все-таки, в конце концов, всегда почти зарождает сам потребность войны...» (ДЗ0; 25: 101–102).

Свойственная идиостилю Достоевского афористичность нередко реализуется с помощью латинских крылатых выражений. Это можно объяснить влиянием античной традиции, приобщение к которой составляло основу полученного русским писателем образования. Из всех латинских цитат *Strepitu belli propelluntur artes* не является иноязычным клише. В стилистической и идейной целостности афоризма писатель обнаруживает внутреннее противоречие. Заключение в афоризме тезис о несовместимости искусства и войны переосмысливается Достоевским и служит отправной точкой для развития парадоксальной мысли, вложенной в уста героя-парадоксалиста: война стимулирует творческую активность, пробуждает в людях высокие чувства.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.
- 1 О латинских цитатах в художественных текстах Достоевского см., напр.: [Васильева].
  - 2 Ср. следующее объяснение иноязычной формы прецедентного текста: «...некоторые слова или выражения “всплывают” в сознании и памяти говорящего именно на иностранном языке, потому что их связь с выражаемой идеей (понятием) оказывается прочнее» [Проценко: 199].
  - 3 Примечательно, что это латинское слово *Eheu* было идентифицировано относительно недавно — в 1983 г. в работе Т. И. Орнатской (см.: [Орнатская]). До этого предлагались прочтения «Елец», «Елеи» или «Елен».
  - 4 В «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» под редакцией В. С. Нечаевой латинская фраза передана так: *Strepito belli propellentum artis* (см.: [Нечаева: 132]). См. также: [Неизданный Достоевский: 155]; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. С. 153. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
  - 5 По замечанию И. М. Тронского, «Гораций — поэт мысли и вместе с тем мастер сильного, сжатого слова и четкого, конкретного образа» [Тронский: 393].
  - 6 Крылатые выражения Горация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.horatius.ru/index.xps?10.1.18> (18.06.2020).
  - 7 Так, согласно сайту *Horatius.ru*, определенными «лидерами» среди од Горация являются, например, *Carm. II 10*, породившая пять афоризмов (*Auream quisquis mediocritatem diligit, tutus caret obsoleti sordibus tecti, caret invidenda sobrius aula = Aurea mediocritas* — «Кто верен золотой середине, тот ни прозябает в мерзкой норе, ни разжигает зависть дворцами», отсюда «Золотая середина»; *Saepius ventis agitur ingens pinus, et celsae graviore casu deciduntur res, feriuntque sum mos fulgera montes* — «Великаны-сосны вырываются бурей чаще, высокие башни обрушиваются тяжелее, а молнии [всегда] ударяют в вершины гор»; *Informis hiemes reducit Iuppiter, idem submovet* — «Юпитер приносит лютую стужу, и сам же ее уносит»; *Si male nunc, et olim sic erit* — «Если плохо сейчас, так будет не всегда»; *Neque semper arcum tendit Apollo* — «Не всегда натягивает лук Аполлон»), и *Carm. III 24*, породившая четыре афоризма (*Dira Necessitas* — «Жестокая необходимость»; *Dos est magna parentum virtus* — «Добродетель родителей — большое приданое»; *Virtutem incolumem odimus, sublatam ex oculis quaerimus invidi* — «Ненавидим добродетель здравствующую, с завистью ищем исчезнувшую сглаз»; *Quid leges sine moribus vanae proficiunt?* — «Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов?»).
  - 8 В одном из писем Достоевского от 5–10 мая 1839 г. из Инженерного училища отцу находим: «Скажу Вам еще, что мне жаль бросить латинского языка. Что за прелестный язык. Я теперь читаю Юлия Цезаря, и после 2^х годичной разлуки с латинским языком понимаю решительно всё» (*Д30*; 28₁: 60).
  - 9 Бантыш-Каменский Н. Н. Латинская грамматика в пользу российского юношества тщательно и ясно расположенная, и с переводом российским изданная коллежским асессором Николаем Бантыш-Каменским. М.: Тип. Императорского Московского университета, 1818. 392 с.
  - 10 См. об этом подробнее: [Синицкий: 8–13].

- ¹¹ Приведем описание процесса обучения латинскому языку в духовных заведениях из труда П. В. Знаменского «Духовные школы России до реформы 1808 года»: «Письменные упражнения в переводах с русского на латинский задавались, как и в нижней грамматике, раза по три в неделю, но гораздо более сложные и трудные. Устные происходили каждый день; на каждое синтаксическое правило задавалось множество примеров, а для большей легкости в пользовании латинской фразеологией при устных упражнениях в переводе требовалось, чтобы ученик одну и ту же мысль, даже фразу, как можно быстрее и догадливей, перефразировал на латинском языке на несколько ладов. При изучении просодии и переводе поэтов пускались в ход перефракты или, как они назывались по-русски, ломки, состоявшие в возвращении в первоначальный вид латинских стихов, обращенных в прозу. Помимо всех этих упражнений само по себе шло упражнение в латинских разговорах» [Знаменский: 739–740].
- ¹² По воспоминаниям младшего брата Достоевского — Андрея, учившегося в пансионе Чермака несколькими годами позже, преподавателем русского и латинского языков был Н. А. Елагин: «Учитель русского и латинского языков был один и тот же, это — Никанор Александрович Елагин. Для низших и средних классов это был учитель незаменимый! Не мудрствуя лукаво, он преподавал разумно и толково и заставлял учеников вполне понять то, что они заучивают. Грамматику этих двух языков он преподавал почти параллельно. Переводили же мы в первых двух низших классах *Epistome historiae Sacrae* с латинского на русский язык; а когда несколько статей было переведено письменно, то мы в классе, при закрытом латинском тексте, силились переводить с русского на латинский. Конечно, сии последние упражнения были классные, в присутствии учителя» (Достоевский А. М. Воспоминания. Ленинград, 1931. С. 98. См.: Квартира вторая. В пансионе Чермака // Электронное издание Интернет-лаборатории филологического факультета Петрозаводского университета. URL: <https://philolog.petsu.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>).
- ¹³ См., напр.: 1) Ланге И. Школьные разговоры. М.: В Университетской типографии, 1810. 215 с.; 2) Нечаев И. А. Новые разговоры латинские с российским в пользу юношества, обучающегося латинскому языку / изд. свящ. Ив. Алексеева, Нечаева. М.: В типографии Решетникова, 1819. 119 с.; 3) Российско-латинские разговоры, самые употребительные в общежитии, разделенные на уроки с словами, менее обыкновенными для каждого, к которым в конце прибавлено несколько пословиц и синонимов л. языка, в пользу российского юношества, изданная Э.П.С.И. М.: В Университетской типографии, 1826. 176 с.
- ¹⁴ См., напр.: 1) Шлоссер А. Грамматика латинская, в пользу обучающихся латинскому языку соч. А. Шлоссером / пер. с немецкого на российский язык Василий Чачков. СПб.: В Медицинской тип., 1810. 357 с.; 2) Реган П. Новая латинская азбука, с приобщением краткого словаря употребительнейших вещей, начертания этимологии и простейших разговоров. СПб.: Тип. Ив. Глазунова, 1820. 72 с.; 3) Собрание примеров для наставления юношества в начальном познании латинского языка, изданное Императорским Харьковским университетом. Харьков: В Университетской типографии, 1823. 119 с.
- ¹⁵ См., напр.: Лебедев И. А. Краткая латинская фразеология. М.: В типографии у А. Решетникова, 1816. 315 с.
- ¹⁶ См., напр.: 1) [Вейсман Э.] Немецко-латинский и русский лексикон... [Пер. на рус. язык И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлицкий]. St.-Petersburg: Inder Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 48 с.; 2) [Целларий К.] Христофора Целлария краткой латинской лексикон: С российским и немецким переводом: Для употребления Санктпетербургской гимназии. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1768. 155 с.

- ¹⁷ См., напр.: 1) Burgii. Elementa oratoria ex antiquis atque recentioribus factis praeceptorum delectationibus eloquentiae ab imis principiis ac fundamentissimis... Edidit N. Bantisch-Kamensky. M., typisimper. Mosq. Univers., 1776. 255 с.; 2) Аполлос. Правила пиитическая, о стихотворении российском и латинском, со многими против прежнего прибавлениями, с приобщением пиитико-исторического словаря.... также Овидиевы Превращения. И при конце отборные Пуб. Virgiliya Марона стихи. В пользу юношества, обучающегося поэзии, и для всех российского стихотворения любителей. М.: В Синодальной типографии, 1826. 75 с.
- Были рекомендованы к использованию в гимназиях следующие учебники: 1) Кошанский Н. Ф. Латинская грамматика с примерами для чтения и словарем / Изд. (по Бредеру) Николаем Кошанским, проф. Императорского Царско-Сельского лицея ст. сов. и кав. Издание третье. СПб.: В типографии Медицинского департамента М-ва внутренних дел, 1823. 84 с.; 2) Попов Д. П. Латинская грамматика, составленная по Цумпту Д. Поповым (бывшим профессором греческой словесности в С.-Петербур. университете). СПб.: При Имп. Акад. наук, 1838. 859 с.
- ¹⁸ Белюстин Н. Ф. Практическое руководство к переводам с российского языка на латинский с предварительным изложением правил этимологии и синтаксиса латинского языка, составленное по Бредеру, Цумфту, Дерингу и другим немецким филологам Никитою Белюстиным: Ч. 1–2. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1830.
- ¹⁹ Благодарим профессора кафедры классической филологии СПбГУ М. М. Позднева за указание на этот источник.
- ²⁰ В Д30 дан неверный перевод этого крылатого выражения — *здоровое тело* (Д30; 24, 296), которое полностью выглядит так: *Mens sana in corpore sano* — *Здоровый дух в здоровом теле*.
- ²¹ Напр.: «*Безъ крови и войны загниетъ челоувѣчество*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 13), «*Нѣтъ, война лучше теперешняго положенія общества*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 77), «*Нѣтъ, война благороднѣе*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 81) и пр.

Список литературы

1. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. — СПб.: Наука, 2005. — 338 с.
2. Васильева С. А. Латинские слова и выражения в художественных произведениях Ф. М. Достоевского // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». — 2013. — Вып. 6. — С. 20–26.
3. Живолупова Н. В. Парадокс // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 185–186.
4. Захаров В. Н. Парадокс // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 186.
5. Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. — 807 с.
6. Кошечко А. Н. Направления воспитания ценностной структуры повседневно-экзистенциального сознания Ф. М. Достоевского // Вестник ТГПУ. — 2017. — № 11 (188). — С. 194–202.
7. Наличникова И. А. Когнитивно-прагматические особенности афористического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2010. — 204 с.

8. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. — М.: Наука, 1971. — 727 с. (Литературное наследство; т. 83)
9. [Нечаева В. С.] Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: Изд-во АН СССР, 1957 — 589 с.
10. Орнатская Т. И. Уточнения и дополнения к комментарию полного собрания сочинений Достоевского. «Сибирская тетрадь» // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1983. — Т. 5. — С. 222–233.
11. Проценко Е. А. Межъязыковое перекодирование в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2002. — 230 с.
12. Ружицкий И. В. Афоризмы в политическом дискурсе Достоевского // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2015. — № 1 (51). — С. 213–217.
13. Синицкий Д. А. Исторические сведения о Подольской духовной семинарии. — Каменец-Подольск: Тип. Подольск. губ. упр., 1866. — 79 с.
14. Тарасова Н. А., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. Графические особенности рукописей Достоевского: материалы для информационной базы данных // Неизвестный Достоевский — 2018. — № 4. — С. 17–69 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (05.05.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788
15. Тронский И. М. История античной литературы. — Л.: Учебно-педагогическое изд-во, 1946. — С. 385–402.
16. Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 241–254.
17. Шаталова С. А. Лингвистические основы афористики и афоризмы в художественных текстах Ф. М. Достоевского: на материале романов «Бесы» и «Подросток»: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000. — 256 с.

Anna A. Skoropadskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

san19770@mail.ru

Strepitu belli propelluntur artes: Dostoevsky's Latin Aphorism

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90037.

Abstract. The article examines the Latin aphorism *Strepitu belli propelluntur artes*, which is found twice in Dostoevsky's notebooks. The spelling and translation of the aphorism, its grammatical and stylistic structure, as well as the possible sources of the Latin quotation are elucidated. The expression in question is contextually unrelated to the Russian text and functions as an independent statement. The semantic connection of the aphorism with the content of the pages where it is found is revealed. The Latin expression marks the theme of war. The juxtaposition of war and art inherent in the aphorism and traditionally understood as the impossibility of their coexistence, is interpreted by the writer as a paradox: through his paradoxical hero, Dostoevsky fosters the idea that only during a war true art awakens souls and mobilizes a society's spiritual needs. Subsequently, on his own behalf, the writer speaks about the nature of true art, which arouses people by its lofty ideals in the times of peace. However, the social reality is such that the only way for a spiritually unhealthy society to awaken and cleanse itself is a war over a noble idea. The Latin quotation is a key link in the writer's reasoning, and it becomes an instrument of his argumentation.

Keywords: Dostoevsky, ancient tradition, Latin, aphorism, quote, paradox, paradoxical hero

About the author: *Skoropadskaya Anna A.* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: July 1, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Skoropadskaya A. A. "Strepitu Belli Propelluntur Artes": Dostoevsky's Latin Aphorism. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 208–221. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5001 (In Russ.)

References

1. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisaniye [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
2. Vasil'eva S. A. Latin Quotations in F. Dostoevsky's Literary Works. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya» [Herald of Tver State University. Ser. "Philology"]*, 2013, issue 6, pp. 20–26. (In Russ.)
3. Zhivolupova N. V. Paradox. In: *Dostoevskiy: Estetika i poetika. Slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics. Dictionary and Reference Book]*. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, pp. 185–186. (In Russ.)
4. Zakharov V. N. Paradox. In: *Dostoevskiy: Estetika i poetika. Slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics. Dictionary and Reference Book]*. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, p. 186. (In Russ.)

5. Znamenskiy P. V. *Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda* [The Theological Schools in Russia Before the Reform of 1808], Kazan, Imperial University Printing House Publ., 1881. 807 p. (In Russ.)
6. Koshechko A. N. Directions of Education of Value Structure of Daily and Existential Consciousness of F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2017, no. 11 (188), pp. 194—202. (In Russ.)
7. Nalichnikova I. A. *Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti aforisticheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive-Pragmatic Peculiarities of Aphoristic Discourse. PhD. philol. sci. diss.]. Ufa, 2010. 204 p. (In Russ.)
8. *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 godov* [The Unpublished Dostoevsky. Notebooks and Workbooks of 1860–1881]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727 p. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 83). (In Russ.)
9. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 589 p. (In Russ.)
10. Ornatskaya T. I. Clarifications and Additions to the Commentary of the Complete Works of Dostoevsky. “The Siberian Notebook”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 5, pp. 222—233. (In Russ.)
11. Protsenko E. A. *Mezh'yazykovoie perekodirovanie v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: dis. ... kand. filol. nauk* [Interlanguage Recoding in the Works of F. M. Dostoevsky. PhD. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2002. 230 p. (In Russ.)
12. Ruzhitskiy I. V. Aphorisms in Dostoevsky's Political Discourse. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Ekaterinburg, 2015, no. 1 (51), pp. 213—217. (In Russ.)
13. Sinit'skiy D. A. *Istoricheskie svedeniya o Podol'skoy dukhovnoy seminarii* [Historical Information About the Podolsk Theological Seminary], Kamenets-Podolsk, Tipografiya podol'skoy gubernskoy upravy Publ., 1866. 79 p. (In Russ.)
14. Tarasova N. A., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. Graphical Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Materials for the Information Database. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 17—69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (accessed on May 5, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788 (In Russ.)
15. Tronskiy I. M. *Istoriya antichnoy literatury* [History of Ancient Literature]. Leningrad, Uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Publ., 1946, pp. 385—402. (In Russ.)
16. Fedorov G. A. Pension of L. I. Chermak in 1834—1837 (Based on New Materials). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 241—254. (In Russ.)
17. Shatalova S. A. *Lingvisticheskie osnovy aforistiki i aforizmy v khudozhestvennykh tekstakh F. M. Dostoevskogo: na materiale romanov «Besy» i «Podrostok»: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Foundations of Aphoristics and Aphorisms in the Literary Texts of F. M. Dostoevsky: Based on the Novels “Demons” and “The Raw Youth”. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2000. 256 p. (In Russ.)